

Сергей Викторович Щербак

философия и культура, ее основы. Хотя бы на том уровне, который позволит движение поезда от Владивостока до Читы. Начиная от Иркутска, будет идти разговор об индийской философии. Важный поворот в развитии буддистской философии, ее основных идей, включая идеи Абхидхармы, буддизма Махаяны. Шесть школ индийской философии: санкхья, йога, мьяя, вайшешика, веданта, миманса. После этого какое-то время потребуется для того, чтобы отрефлексировать услышанное, поговорить, поразмышлять. Участок от Кирова до Москвы мы обозначили как синтез «Долгий разговор за чаем». Каждого из участников философского поезда мы попросим написать эссе о том, как соединяется само это путешествие, его география, как соединяется понимание России с рефлексией над основными темами мировой философии.

Доклад 62.

Россия в пространстве Большой Евразии

Аликбер Калабекович Аликберов

Доктор исторических наук, директор Института востоковедения РАН. Член 3-х научных советов в РАН: по комплексным проблемам востоковедения, по комплексным проблемам этичности и межнациональных отношений и по комплексным проблемам истории и культуры Евразийского пространства Новейшего времени. Член Экспертного совета при Федеральном агентстве по делам национальностей.

Выступать на философском собрании несколько необычно, но сегодня последнее выступление из серии выступлений, поэтому это особая ответственность и, конечно же, честь. Любой формат, когда излагаются собственные взгляды по такой важной и актуальной проблеме, – это очень интересно. Начну с того, что я действительно представлю не философскую концепцию, а взгляд историка-востоковеда, который занимается историей Востока и восточных обществ. Это социальная теория. В условиях стратегического поворота России на восток российское востоковедение занимает особое место. Мы используем понятийный аппарат русского языка, и, используя его, наша наука пытается понять историю, языки и культуру многочисленных стран и народов Востока, не только огромного зарубежного, но и своего внутреннего. Бескрайние просторы Сибири и Дальнего Востока, которыми прирастало российское могущество, как известно, тоже находятся на востоке. С другой стороны, востоковеды изучают не только Восток, но и Азию и Северную Африку. Отсюда у нас особый взгляд на евразийство, на дискуссии, которые здесь были, в том числе у почвенников с западниками, в том числе на тему онтологии русской идеи, которая имеет два измерения – внутреннее и внешнее. Достаточно сказать, что во внешнем измерении нет этого внешнего семантического различия между понятиями «русский» и «российский». Практически во всех языках, будь то арабский или тюркский, европейский, это одна идея, что этническая, что национальная. Это очень важный момент. Во внешнем преломлении русская идея – это идея всей страны.

Востоковедение как комплексная наука, конечно, использует различные подходы, и мы, как мультидисциплинарная наука, находим много разных дисциплин. Для нас ограничен трансдисциплинарный

подход, без которого анализ на онтологическом уровне (уровне элементов) невозможен. Это предполагает деконцептуализацию, отказ от концептуальной перегруженности ключевых понятий, а это очень важно. Например, понятие этноса мы воспринимали долгое время через теорию этноса академика Бромлея. Конечно, я представляю академическую науку, а наука, как известно, ничего не принимает на веру, предполагает скептицизм, всё подвергает сомнению. Наша задача – добиться объективности знания настолько, насколько это возможно. Это в том числе объективность и адекватность восприятия знания, достоверность, научность. Это всё невозможно, если у нас нет доказательств и аргументов, инструментов верификации. Если не предметной, то хотя бы логической. Но логические аргументы тоже должны опираться на логический фундамент достоверных фактов, иначе картина будет не совсем точной. И мы должны понимать, что существует проблема точности и определенности языка социального описания – она сама по себе не совсем точная. И проблема субъективности – как исторического, так и социального познания.

Начну с того, что даже постановка вопроса, называемого выступлением, докладом «О геостратегическом выборе», без дополнительных оговорок является ложной, потому что одно не исключает другого. В то же самое время такой выбор существует, потому что есть выбор направления движения, стратегии выживания, что особенно важно в таких точках бифуркации, на которых мы находимся. В сложившихся сегодня условиях стратегической неопределенности, вызванных новым большим расколом Евразии, совершенно логично предположить понимание русской идеи как формулы или идеи консолидации и выживания народа – и физического, и духовного. Русская идея – национальная идея, как в узком техническом смысле, так и в широком общенациональном, даже цивилизационном. Все эти толкования не только не противоречат друг другу, но и взаимодополняют друг друга. Раскрывая эту тему, я буду раскрывать основную идею Собора. Мы подошли к моменту, на котором спотыкаются практически все, потому что ключевым вопросом для определения русской идеи, как идеи национальной, является вопрос, что конкретно понимать под народом и нацией. Это русский народ, российский народ, русский мир. В российской историографии, так же как и в мировой, понятие народа считается ненаучной категорией, так же как и понятие нации. Под сомнение ставится даже понятие этноса как научной категории и даже понятие цивилизации, потому что границы между цивилизованным и нецивилизированным довольно условны. Есть более определенное идентификационное значение этого слова. Оно обретается, когда мы на-

чинаем определять их через категорию «альтер-эго» – «я – другой» или «свой – чужой», причем другой может быть и своим, и чужим, как полностью, так и частично.

Теперь несколько слов скажу о методологии. Дело в том, что я использую методологию, которая называется «системно-коммуникационный подход», и эта методология именно об изучении истории, но и социальности. Эту методологию впервые применил Юрген Хабермас. Он считается величайшим современным философом, но он был не первым. Если бы не было Бахтина, не было бы и Хабермаса. Второй источник этой методологии – школа Парсенса, он сам и его ученики, о которых мы скажем отдельно. Исходным здесь является слово «коммунист». Почему системно-коммуникационный подход очень важен именно для этой тематики – потому что коммуникация изначально означает сообщение и взаимодействие. Между социальным взаимодействием и коммуникацией можно ставить знак равенства. Например, слова *communicative* (коммуникативный) и *sociable* (общественный) считаются синонимами. В русском языке, это слова-синонимы «общительный» и «коммуникабельный». Коммуникативные подходы сами по себе ничего не значат. Они работают с межсистемными подходами. Мы видим системное единство этих двух подходов. Мы должны использовать этот подход.

Здесь два момента: мы должны использовать (и это имеет большое познавательное значение) не одномерное, не плоское восприятие этих проблем, в том числе понятие народа, нации и т. д., но и многомерный взгляд, в том числе на русскую идею. Второе – учет динамики исторических изменений, которые происходили с нациями, потому что в разные исторические периоды народы, нации и весь понятийный ряд, связанный с этими терминами, приобретают различное содержание. Мы сейчас переходим к пониманию многомерности системы, которая по-разному принимается. Парсенс понимал ее как многомерность социальных систем – это социологический подход. Мы рассматриваем измерения социальности немного по-другому. У нас исторический подход, поэтому мы делим социальное и целое на различные аспекты. Прежде всего, общественный аспект, экономический, политический, религиозный, правовой, культурный и т. д. Этот подход позволяет преодолеть дисциплинарные границы и увидеть не только специфику частного, как это возможно в отдельных науках, но и специфику общего, потому что народ и нация – это не аспект. Это целое. Для того чтобы понимать специфику целого, народа и нации, мы должны сначала разделить предмет. Мы видим различия, соединяем и получаем новый

результат. Поэтому у этих аспектов есть историческое измерение. Социогенезу – общественное измерение социальности. Политогенезу – политическое. Этногенезу – этническое. Религиогенезу – религиозное. Пока останавливаемся на этих вещах.

Почему мы выделяем в первую очередь четыре измерения: общественное, этническое, политическое и религиозное? Потому что именно эти измерения социальности в большей степени определяют идентичность человека. В этом смысле не только история является многомерной, не столько социальность как явление многомерна, но и человек многомерен. Что означает многомерность человека? Был такой философ-исследователь Маркузе, который писал о многомерном человеке, он сказал, что потребительский мир свел все потребности человека к одномерности, и он является «человеком потребляющим». Мы еще знаем, что идентичность человека множественна – вы не можете сказать, что вы русский. Есть еще религиозное измерение, в котором мы православные. Когда русский – православный, это более понятно. Но русский может быть не только православным. Также есть и политические взгляды: один коммунист, другой либерал, но это будет русский православный. И идентичность человека определяется на основе различения «свой – чужой». Это различие происходит в каждом из аспектов социальности, потому что вы различаете своего или чужого с социальной точки зрения. Например, социальный статус вашего круга – это свой. Человека не вашего круга, даже если он русский, вы не очень примете. Может быть политический «свой» – если вы либерал, то для вас свой – либерал, и т. д. В религиозной сфере тоже есть разные течения. Когда эти внутренние идентичности не согласованы друг с другом, у человека возникает внутренний конфликт, который может привести к радикализации, экстремизму. Это могут быть политические, религиозные и этнически мотивированные конфликты. Это важно. Так, на Северном Кавказе, среди мусульман, этот внутренний конфликт имел место, когда разные течения говорили, что мусульмане, ислам должны быть на первом месте. У человека был ложный выбор: он должен был поступать как мусульманин, в его радикальной интерпретации и т. д. Это достаточно острый момент, который нужно учитывать.

Далее, мы знаем, что есть обозначение *homo socialis*, *homo politicus*, *homo ethnicus*, *homo religious*, *homo eticus* и т. д. Это ипостаси человека. Политик, например Жириновский – прежде всего *homo politicus*. Если человек – религиозный иерарх, то это *homo religious*. Это тоже важно понимать. Что их всех объединяет? Если русская идея является идеей национальной консолидации, что такое единство народа, единство на-

ции или национальное единство? Это единство народа – и в этническом смысле, и как гражданско-политической нации. Этническое измерение русской идеи тоже архиважно, потому что русский народ – самый крупный разделенный народ на постсоветском пространстве. Теперь, если мы посмотрим понятие народа – почему понятия народа и нации являются общими. Потому что они присутствуют в каждом из аспектов социальности. Если мы начнем с этнического аспекта, то народ – это изначально этническая категория. Греческое слово «этнос» означало народ именно в этническом смысле. И русское слово «народ» – это надродовое сообщество близких родов. И генетические исследования показывают большое генетическое разнообразие, и на самом деле эти исследования не всегда учитывают, что это все происходило через браки. Был запрет на браки внутри рода, потому что это приводило к вырождению.

Есть понимание общества как народа. В древнегреческом языке это «деймос», когда родовая община превращается в соседскую, особенно в городах, когда в городах появляется городская община, и там люди могли быть не только родственными в этническом плане. Но были общины и ремесленные и т. д. А политические сообщества – это нации и государства. Это категория, которая затрагивала политическое измерение народа. Народное же измерение есть даже у религиозных сообществ России. Например, русское православное сообщество воспринимается как соборный народ. А русское еврейство – диаспоральный народ. Есть понятие российского умма для обозначения мусульманских народов в России. Я являюсь одним из авторов книги «Российский ислам». Это страновое измерение. В российском законодательстве российские религии, различные мировые религии и авраамические в России обозначены как традиционные. Самый высокий уровень социальной идентификации – это все-таки культурный, потому что политическая культура, мы знаем, это отдельная категория. Мы можем выделить этническую, общественную культуру или религиозную культуру и т. д. На основе культуры создается цивилизационный высокий уровень общности, с особой ролью религии в том числе. Как коммуникация работает с понятием социальности? Слово, логос – это единица информации, причем это слово Божие, сакральное. С помощью Божьего слова и заповедей происходит вытеснение природных или животных инстинктов на окультуривание. Фактически религия создает народные культуры, и мы можем сказать, что практически все народы прошли этот этап этнизации религии, то есть когда общие религии приобретали этнические черты и появилось русское православие, греческое, англиканская церковь и т. д. Это был объективный

процесс, и он даже происходит в исламе – это не особенность именно христианства. Мы можем противопоставлять культуру одичанию, дикости, потому что культурные растения требуют ухода, а как только ты перестаешь ухаживать, возделывать, то появляются сорняки.

Теперь вернемся к нашей основной теме – то, что Россия между Европой и Азией. Мы можем переформулировать это как «Россия между центрами, формирующая центр новой биполярности». США создает однополярный мир. Второй полюс – КНР. Безусловно, что в этой ситуации цивилизационного измерения у нас есть серьезные проблемы. Наша система образования нас учила, что мы – европейцы. Это неизбежный европоцентризм и западнцентризм. Фактически это основа западничества. И вера в то, что мы – европейская страна и русские – европейский народ. На научных дискуссиях это жестко отстаивается, поэтому азиатская часть страны не замечается, а Азия воспринимается как нечто отсталое, дикое. Мы воспринимаем Азию исключительно как что-то чужое: «Мы же не скифы, не монголы». Конечно, это так – они жили своими обществами, и даже когда монголы завоевали Древнюю Русь, древнерусские княжества, они не распространяли свои законы и ясы на древнерусские княжества. Мы можем поднять документы и посмотреть коммуникативный мир древнерусского человека – он ограничился городом, общиной, княжеством. В таком виде, как говорят, что было иго – это миф. К чему приводят эти иллюзии о том, что мы европейцы? Они приводят к тому, что мы все начинаем готовить людей и считаем, что мы завершили институт и обязательно должны куда-то поехать устраиваться. Считается большим успехом, если ребенок устроился где-нибудь в Европе. Мы практически сами создали этот миф, притом что американские протестанты тоже по происхождению европейцы, так же как русские. При этом американцы не говорят, что они европейцы. Они называют себя американцами, они самодостаточны, они чувствуют себя самодостаточными. И если Россия занимает 17 миллионов квадратных километров, из которых 77 % – это Азия. Это очень много... Половина Европы – это Россия. И что нам там делать? Мы больше, чем Европа! Мы континентальная страна, и нам не нужно запирает себя в узких клетках. Когда едешь в Европу, очень хорошо себя чувствуешь, только как в песочнице, где всё очень маленькое, миниатюрное – и машины, и дороги. Восприятие Европы как центра цивилизации, Азии как какой-то дикой территории – это абсолютный исторический факт, имеющий свои хронологические рамки. Если мы посмотрим общий хронометраж, то увидим, что большую часть времени, особенно в древности, именно азиатская

часть (евразийская) была в авангарде цивилизации. И мы увидим, что все религии – и мировые, и авраамические – зародились на территории восточной части Евразии. Древние индийская и китайская цивилизации, когда они развивались, придумывали порох и колеса, неизвестно, чем была Европа. Если говорить о том, что мы больше европейцы, то Михаил Борисович Пиотровский как-то сказал, что если признаком европейскости является наличие греческого античного наследия, то у нас, на территории России, есть поселения и города. А на территории некоторых европейских стран: скандинавских, прибалтийских – не было никаких греческих полисов.

Есть еще один цивилизационный момент. Это измерение имеет право на существование, потому что конфликт, который сегодня происходит на Украине, – это, безусловно, цивилизационный конфликт. В то же время это прямое продолжение процессов, связанных с распадом Советского Союза и крушением биполярной системы миропорядка. Процессы не могли завершиться поспешно и непроработанно скороспелым подписанием Беловежских соглашений в 1991 году. Нынешний конфликт на Украине нельзя рассматривать в отрыве от геополитической катастрофы XX века, после которой начала формироваться однополярная система мира. Я хотел бы подчеркнуть, что это цивилизационный ценностный конфликт между евроатлантическим и евразийским мирами. Целью является раскол русского мира, и это не только борьба между различными проекциями образов будущего, но и борьба за базовое существование человека. Одни пытаются сохранить привычную для них и для себя модель неокOLONиализма, который выражается подчинением всего мира интересам золотого миллиарда, и обеспечивать мировой порядок по собственным правилам. Другие выступают за более справедливый и сбалансированный многополярный мир, в котором в качестве важнейшего мотора развития выступают взаимные польза и сотрудничество. Измерение конфликта на Украине имеет свои особые преимущества между прочими теориями, в том числе теорией империи, либеральной или другой, которую активно примеряют по отношению к нашей стране, хотя здесь не берется в расчет отрицательная коннотация, которая с ней связана. Есть более удачное понятие русского мира, и я бы добавил еще концепцию государства цивилизации, которую применительно к России развивает Виталий Вячеславович Наумкин, он отмечает, что не только Китай и Индия являются государствами-цивилизациями, но и некоторые черты государств-цивилизаций имеют Турция и другие страны. Безусловно, когда мы говорим об этническом измерении, наверное, нужно говорить и об особом значении глубинного

народа – это не только хранители основ русской идеи, но и сакрально-го языка. Это те люди, которые осуществляют трансфер православных идей – тех идей, на которых в принципе основано единство, поскольку, когда мы говорим об исследовательском разделении (конструкты), мы не делим человека живого, а мы создаем исследовательские конструкты, чтобы было удобнее их изучать. Кроме отдельных конструктов существуют сочетания этих конструктов, которые усиливают. Например, когда религиозно-этническое соединяется – в понятии русское православие соединяется этническое и религиозное.

Еще одну вещь хотел я отметить, не менее важную – идею, связанную с великодержавными нациями, о которых говорил Владимир Ильич Ленин. Мы со всей страстью выливаем обычно в своей истории с водой и ребенка, потому что мы отказались от марксизма-ленинизма. Понятно, что возвращения к нему нет, но надо просто иметь в виду, что Хабермас работал в рамках критической теории, а это неомарксизм. Коммунистическая партия Китая достигает больших высот в своем развитии, опираясь на марксизм-ленинизм, причем официально. У Ленина было понятие «великодержавные страны-нации», которых он противопоставлял другим народам. Это были те нации, которые влияли на другие народы, определяли не только свою судьбу, но и судьбы других народов. У него есть такое понятие. Он относит себя к представителям великодержавной нации Востока, Европы и доброй доли Азии, при этом называет Россию Великороссией. Что хорошо в этом слове, в этом обозначении Великороссии – то, что в ней уже есть указание на величие народа и нации, на то, что это неподчиненная страна. Если мы посмотрим сегодня, кто активно выступает против западной гегемонии и диктата западного мира, то мы увидим, что это Россия в первую очередь, которая не приемлет отношения к себе как к колонии, потому что мы распознаем эти манипуляции. И Турция – это тоже один из секретов – сотрудничества Турции с нашей страной, и Турция – одна из наиболее крупных по потенциалу евразийских стран. По территории Казахстан больше.

Переходим теперь от цивилизационной парадигмы евразийства, о которой много говорили, к геостратегической. Я бы хотел отметить, что цивилизационная парадигма евразийства тоже очень важна. Это одна из форм русской идеи – я с этим целиком согласен, и тут важно, что в цивилизационном отношении Россия является альтернативным Западом для Востока и альтернативным Востоком для Запада. Мы находимся между Западом и Востоком. Мы создали уникальную цивилизацию и особое положение, которое позволяет нам работать и с Западом, и с Востоком, потому что мы – свой Запад для Востока, противоположный

чужому Западу. Когда китайцы приезжают в Санкт-Петербург, они приезжают в западный город. Для иранцев и арабов Москва – западный город. Точно так же в Америке афроамериканцы считают русских белыми, своими. Они свои, но они белые. Они как мы, но они белые. Это уникальная ситуация, которая характерна для русского народа, и русский народ сам является шивателем культур – это уникальное свойство. Если вы обратитесь в Лермонтову, у него в «Герое нашего времени» он пишет о кавказцах, что это русские офицеры, которые освоили культуру местных народов и являются такими медиаторами. Это очень важный момент.

Теперь что важно? Почему нельзя использовать цивилизационный подход как единственный познавательный и почему он не обладает самодостаточностью? Потому что он не может использоваться как единый инструмент, с пониманием сложных и противоречивых процессов Большой Евразии, потому что глобальный процесс в этом пространстве имеет не только культурную и цивилизационную, но и геополитическую и геоэкономическую природу. Здесь возникает противоречие между цивилизационным и геостратегическим подходами. И при определении Большой Евразии мы предлагаем уйти вообще от Евразии, от концепции евразийства как цивилизационной парадигмы, которая подразумевает синтез различных культур со славянскими культурами. Сегодня гораздо важнее переходить к геоэкономическому измерению, которое представляет геостратегическое положение, и в этом смысле в геостратегической коннотации, направленной на все стороны по периметру границ, нет противоречий болезненных, вызывающих дискуссии, разнородных, вплоть до оценок. Нет каких-то споров. Если история имеет свойство разделять народы, и историческая память, то география и человеческие коммуникации имеют большую объединяющую силу. Важной характеристикой евразийства является определение, которое дал президент России. Он сказал, что Евразия – не поле для геополитических игр, а наш общий дом, поэтому стратегический подход на Восток не нужно воспринимать как отрыв связей от Европы, тем более что не мы их рвем. В данном случае понятие коллективного Запада тоже не совсем точное, потому что там есть общественные силы, которые понимают и принимают нашу позицию отстаивания суверенитета. Не все страны обладают этим суверенитетом, даже так называемого «свободного мира». И Германия в первую очередь. В определенном смысле, поворот на восток дает нам уникальный шанс ускоренного преодоления огромного дисбаланса в развитии восточного сектора, который принимается в условиях западных санкций.